

УДК 130.2

В. А. Лапатин

**«Умножая скорбь»: страдание как обратная сторона
«гедонистического императива» современности**

В статье рассматривается проблема неудовлетворенности субъектов общества потребления в условиях действия «гедонистического императива». Он предписывает индивидам получение как можно большего количества удовольствий в качестве социально одобряемой модели поведения. Автор полагает, что неудовлетворенность является частью более фундаментального явления — страдания. Рассмотрение культурологической и естественно-научной сторон проблемы страдания приводит к идее имманентности страдания человеческому существованию. Делается вывод, что претворение «гедонистического императива» в жизнь лишь увеличивает масштабы страдания современного человека.

Ключевые слова: *страдание, практики удовольствия, гедонизм, общество потребления, привязанности, зависимость, фрустрация, неудовлетворенность.*

V. A. Lapatin. «Increasing Sorrow»: Suffering as the Other Side of Nowadays «Hedonistic Imperative»

The article deals with the question of discontent which subjects of the consumer society endure under condition of «the hedonistic imperative». It prescribes taking the maximum delights as socially approbated behavioral pattern. The author assumes that the discontent is a part of more fundamental phenomenon called suffering. The consideration of the view of both cultural and natural sciences on the issue of suffering leads to the notion of its inherence to human's existence. Hence, there is a conclusion that implementation of «the hedonistic imperative» only scales up suffering of modern subject.

Keywords: *suffering, pleasure practices, hedonism, consumer society, affections, addiction, frustration, discontent.*

Постановка проблемы

Одним из наиболее впечатляющих парадоксов социума современного типа является контраст между доступностью удовольствий и фактической неудовлетворенностью значительной части индивидов. В странах первого мира количество материальных благ, окружающих человека, избыточно и давно уже не связано с обеспечением задач выживания. Сегодня, как ни в какую другую более раннюю историческую эпоху, имеется относительно легкий доступ к различным удовольствиям.

К примеру, никогда прежде не было такой развитой индустрии развлечений. В прошлом столетии в западном обществе сложился совершенно особый феномен шоу-бизнеса, который, несмотря на свою развлекательную природу, не стоит недооценивать, т. к. он задает социокультурные образцы и участвует в формировании аксиосферы большинства своих реципиентов.

«Мальтузианская катастрофа» не состоялась: вместо перенаселения, голода и хищнической борьбы за ресурсы, в последние десятилетия XX в. сложилось общество потребления, в котором едва ли не главной проблемой обывателя является ожирение, но никак не острая борьба за выживание, провоцирующая конфликтность. Как отмечает Ж. Бодрийяр, «потребление — это система, которая обеспечивает порядок знаков и интеграцию группы; оно является, следовательно, одновременно моралью (системой идеологических ценностей) и системой коммуникации, структурой отношений» [3, с. 108]. Потребление товаров и услуг современный человек записывает себе в добродетель. Оно также выступает важным фактором социальной дифференциации и идентификационным параметром.

За несколько последних десятилетий в современном обществе заметно разнообразились досуговые практики, и в целом сегодня сфера досуга обладает чрезвычайно высокой ценностью. Новейшие технологии, в особенности информационные, предоставляют широкие возможности практически мгновенного удовлетворения символических потребностей. Либерализация нравов и упразднение многих институтов традиционного общества сняли множество моральных запретов и ограничений в сфере сексуальной жизни.

Примеры «гедонизации» социокультурного пространства современности можно множить. Очевидно, что в современных разви-

тых обществах вполне обычные его представители живут в более комфортных условиях по сравнению с теми, в которых несколько столетий назад жили аристократия и монаршие особы, не имевшие доступа к таким общедоступным благам современной цивилизации, как квалифицированная медицинская помощь, коммуникации, гигиена, средства связи, быстрый транспорт.

Более того, сама логика современного общества подвигает индивида к целенаправленному получению удовольствия. Со всех сторон нас окружают образы счастья, которые нам дарят медиа, кино, телевидение и реклама. Можно утверждать, что сегодня мы живем в обществе, в котором сложился культ наслаждения. Получение как можно больших и по возможности немедленных удовольствий в текущей социокультурной ситуации является социально одобряемой моделью поведения. По справедливому наблюдению отечественной исследовательницы, в современности можно констатировать «превращение «принципа удовольствия» в доминантный культурный императив», поскольку «стремление к разнообразным «радостям плоти» вмещается носителю современной культуры как моральный долг» [10, с. 3].

У. Блейк писал: «Дорога невоздержанности и излишеств ведет к храму мудрости». Однако похоже, что радикальный гедонизм не приводит современников ни к мудрости, ни к счастью, ни даже к отдохновению. При наблюдении социокультурных тенденций сегодняшнего дня не возникает ощущения, что комфорт и высокий уровень жизни сделали людей поголовно счастливыми. Напротив, в некоторых отношениях современные индивиды стали более фрустрированными и неудовлетворенными, чем их предшественники, жившие в значительно менее комфортных условиях. Люди сегодня мало способны на чем-либо долго концентрироваться; они подвержены стрессу и, поскольку количество информации, которое их окружает, давно превзошло все возможные антропологические лимиты, значительную часть сил, времени и ресурсов тратят на обработку случайных, разрозненных сигналов, что выражается во фрустрации, отчуждении, клиповом мышлении, прокрастинации, веб-серфинге и множестве других явлений современности. Словом, имея относительно легкий доступ к развлечениям и удовольствиям, живя в комфортных условиях, современный человек почти не знает покоя и отдыха.

1. Имманентность страдания существованию

На наш взгляд, корни проблемы, перед которой стоит современная культура, лежат глубже, чем в простом неумении расслабляться. Стресс, фрустрация, неудовлетворенность лишь отблески более серьезного, фундаментального явления — страдания. Таким образом, мы беремся утверждать, что конфигурация социокультурных параметров в обществе потребления такова, что в нем «производится» страдание особого рода поверх того, что изначально присутствует в горизонте человеческого существования. Это означает, что необходимо уточнить само понятие страдания.

К примеру, одна философская традиция, которая больше других знает о страдании, прямо утверждает его тождественность бытию: «И рождение страдание, и старость страдание, и смерть страдание, и печаль, стенания, боль, уныние, отчаяние — страдание. С нелюбимым связь — страдание, с любимым разлука — страдание, и не получить то, чего хочется — страдание. Короче говоря, пять присваиваемых совокупностей — страдание» [8].

Утверждение имманентности страдания человеческому — и не только человеческому — существованию должно вызывать вопросы. Жизненный опыт большинства людей как будто противоречит этому. Почти любой человек скажет, что в какие-то моменты своей жизни он действительно страдает, в какие-то — испытывает удовольствие или даже состояние, близкое к счастью, но в большинстве случаев его самоощущение нейтрально. Дело заключается в терминологии.

Мы привыкли понимать под словом «страдание» отдельные болезненные физические или психологические состояния. Страдание противопоставляется удовольствию. Но более внимательное рассмотрение показывает, что удовольствие является не антитезой страданию, а одним из его аспектов. Оно включено в общий порядок страдательного существования как его оборотная сторона. А значит, «гедонистический императив» современности, который выражается в стремлении получать множество локальных удовольствий в неограниченных, по возможности, объемах, есть своего рода «деятельность по интенсивному производству страдания». Мы не ставим своей целью доказать, что всякий аспект нашей жизни несет на себе печать страдательности, однако преимущества утверждения им-

манентности страдания человеческому существованию проявляются со всей рельефностью именно при изучении феномена удовольствия. Рассмотрим культурологические и естественно-научные основания нашего к нему стремления.

2. Культурологический взгляд на проблему удовольствия и страдания

При рассмотрении культурологической стороны вопроса обращает на себя внимание пустотность и бессущность момента переживания наслаждения при одновременно высокой его символической значимости. Можно заметить, что сами телесные радости бессодержательны, а мотивирующим фактором является жажда их получения. Жажда, желание, предвкушение удовольствий всегда сильнее, чем непосредственно сам миг чувственного наслаждения, подобно тому как в ожидании праздника таится, как правило, больше волшебства, чем в самом празднике. К слову, определяющую роль желания в производстве дуккхи постулирует Вторая Благородная истина буддизма во все той же «Сутре запуска колеса Учения».

Живым существам свойственно стремиться к приятным переживаниям и избегать неприятных, и человек в этом ряду не исключение. В повседневности мы мало осознаем, насколько сильна наша жажда и как тончайшие планы феноменологии нашего сознания прорастают «драконьей кожей», обретают тяжесть под воздействием грубой чувственности и природным стремлением получать удовольствие. Память о положительных эмоциях в моменты получения удовольствия обещает избавление от тягот существования и заставляет искать новые радости. Но удовольствие по своей сути скоротечно и почти немедленно сменяется неудовлетворенностью и — хотя бы временной — потерей интереса к предмету, доставившему удовольствие. В перспективе этот процесс бесконечен, а значит, проблема страдания не решается за счет максимизации наслаждений. Жажда перманентно будет служить стимулом к получению новых положительных переживаний и избавлению от отрицательных. Таким образом, логика страдательного существования всегда шире, чем локальные гедонистические стратегии, призванные на время снять остро переживаемую неудовлетворенность, но на деле являющиеся ча-

стью этой логики. На этом основании мы утверждаем, что чувственное удовольствие не избавляет от страдания, а является его аспектом. Сама по себе привязанность к системе «удовольствие — неудовольствие» и есть страдание.

Однако люди — культурные существа, и им доступны интеллектуальные удовольствия, которые, возможно, разрывают цепь страдательного существования. Например, некоторые типы человеческой деятельности, не будучи напрямую связаны с задачами естественной адаптации, выживания и воспроизводства, как будто выбиваются из описанной выше машинерии. Примером такой деятельности может служить художественное творчество.

Тем не менее, даже если сочинение стихов и прием пищи — принципиально разные в социокультурном плане формы активности, достаточно очевидно, что они так или иначе находятся внутри той же логики «удовольствие — неудовольствие», страдательной по своей сути. Творческий процесс, в особенности если он успешен, доставляет нам специфическое наслаждение, равно как и эстетическое восприятие художественных творений. Более того, любой, кто всерьез занимался интеллектуальным творчеством, знает, что эта деятельность может быть названа страстью — в этом смысле следует признать несколько недалековидным берущее начало еще в античности (Платон, Аристотель, эпикурейцы, стоики) разделение страстей как претерпеваний тела и разумного мышления, относящегося к душе и свободного от страстей. Таким образом, даже для интеллектуальной деятельности мотивирующим фактором является стремление к положительным переживаниям, что, с нашей точки зрения, является привязанностью, а значит, еще одним аспектом страдания.

3. Естественно-научный взгляд на проблему удовольствия и страдания

Эти же процессы можно рассмотреть с позиций физиологии.

Для естественно-научного взгляда, по-видимому, нет различия между биологически и культурно обусловленными типами деятельности. Нейрофизиология не дифференцирует чувственные и интеллектуальные удовольствия: нет принципиальной разницы, вырабатывается ли окситоцин в результате кормления младенца грудью

или в результате того, что забытый друг поздравил нас с днем рождения. Существо дела заключается в веществах, которые вырабатываются в нашем организме или поступают в него извне.

То, что в культурологическом разрешении мы называли привязанностью к системе «удовольствие — неудовольствие», нейрофизиологи будут связывать с деятельностью биохимии организма, в частности таких его систем, как система вознаграждения, опиоидная, каннабиноидная и пр. системы, определяющие наши мотивации и поведение. Дофамин, серотонин, окситоцин, эндорфин, анандамид и др. эндогенные нейротрансмиттеры обеспечивают множество функций нашего тела, что на субъективном уровне переживается как удовлетворение, уменьшение боли, эйфория, снижение тревоги или, напротив, как отсутствие таковых. Если учитывать психобиологические основы человеческой социальности, то действия, которые человек считает результатом свободного выбора, всё больше представляются следствием процессов, о происхождении и природе которых он не имеет понятия. Эти процессы не просто надличностны, но, возможно, и вовсе распространяются за пределы отдельного организма так, что и психофизиология оказывается результатом, а не причиной. Например, вышеперечисленные нейротрансмиттеры мотивируют живые существа питаться, размножаться и стремиться к самосохранению, однако и сама эта деятельность может быть рассмотрена как часть глобального эволюционного процесса, для которого каждый отдельный индивид важен не сам по себе, но только лишь как носитель генов, способный сохранить их и передать дальше. На этой идее базируется так называемый «геноцентричный взгляд на эволюцию» [14; 15; 16], наиболее известным представителем которого является Р. Докинз [7].

Можем ли мы быть уверены, что культура ослабила естественный отбор до такой степени, до какой мы привыкли себе это представлять? Не является ли она сама эволюционным приобретением? В любом случае философское учение о человеке не имеет права игнорировать данные естественных наук. А в вопросах удовольствия и страдания это было бы непозволительно вдвойне. Некоторые аспекты нашей жизнедеятельности соблазнительно объяснить ссылками на биохимическую основу. Например, с рациональной точки зрения невероятная субъективная значимость чувственных удовольствий в

нашей жизни загадочна, ведь издержки, на которые мы идем в погоне за телесными радостями, многократно превосходят по своему объему конечный результат — те несколько секунд счастья, что мы испытываем в пиковые моменты наслаждения. Если бы биохимические процессы не мотивировали живые существа по модели «кнута и пряника», последние бы попросту перестали искать себе пищу и размножаться¹. В культурологическом плане эту же модель мы описывали как жажду, страстное желание испытывать приятные переживания и избегать неприятные.

Сама по себе привязанность к системе «удовольствие — неудовольствие» не является трагедией, хотя для человеческого самолюбия она и должна быть огорчительной, т. к. зарождаст сильные сомнения в свободе и автономии личности, а также в целом в нашей исключительности в ряду других животных. Нет необходимости искать выход из этой обусловленности, поскольку для человека она сложилась культурно и эволюционно и в этом смысле представляет собой вариант нормы.

4. Аддикция — результат попыток обхода естественного механизма вознаграждения

Тем не менее на эту обусловленность можно взглянуть и с другой стороны. Технически наша потребность в дофамине, эндорфине, окситоцине, серотонине и других веществах, производимых нашим организмом, похожа на благоприобетенную зависимость. Однако сам этот механизм, даже будучи благоприобретенным усилием индивида, социокультурно может трансформироваться в патологию. Известно, что наркотические препараты являются либо агонистами перечисленных эндогенных биохимических соединений, либо бло-

¹ Эта модель на практике, безусловно, много сложнее. Она действует не так примитивно не только в случае с человеком, но даже и со многими животными. По-видимому, биохимия сообщает простейшие импульсы наподобие «остерегайся опасности», «избавься от стресса», «найди еду», а реакции на них в сфере высшей нервной деятельности могут быть значительно более дифференцированными и нелинейными. Более того, реакции и наше поведение могут оказывать и обратное воздействие на то, как в дальнейшем будут протекать биохимические процессы в организме. Организм в целом и мозг в частности чрезвычайно пластичны.

кируют действие их антагонистов. Тем самым интенция наркомана не так уж далека от побуждений каждого из нас: если опиаты «действуют на рецепторы, в норме реагирующие на эндорфины и энкефалины», и «в результате запускается нейронная сеть удовольствия, вызывая выброс дофамина» [9, с. 69], а галлюциногены «стимулируют выработку серотонина или содержат вещества, оказывающие действие, похожее на эффект этого нейромедиатора» [9, с. 68], это означает, что и зависимый человек, и не подверженный аддикции стремятся в одну и ту же точку, принимаемую ими за счастье, но используют разные средства. Большинству из нас, для того чтобы ненадолго снизить боль, избавиться от стресса, достичь удовлетворения и пережить положительные эмоции, необходимо приложить много усилий: заняться физической активностью, добиться признания окружающих, занять более высокое положение в социальной иерархии, найти полового партнера, купить интересующую вещь, достичь успеха в работе и творчестве и т. д. Успешно выполняя эти локальные задачи, человек на непродолжительное время получает биохимическое вознаграждение от своего организма. Изначальная же интенция употребления наркотиков состоит в достижении немедленного удовольствия, которое, однако, не требует существенных усилий со стороны индивида. Так человек надеется обойти эволюционно сложившиеся механизмы внутреннего подкрепления с выгодой для себя, поскольку в деле получения удовольствия издержки всегда превосходят конечный результат. Поначалу действительно может достигаться эйфорическое, приятное состояние, однако в дальнейшем, после формирования физической зависимости, гедонистическая установка сменяется мотивом избавления от невыносимой и неотступной боли.

Сопоставляя, с одной стороны, естественные, а также культурно приемлемые способы получения удовольствия и, с другой стороны, патологические от них отклонения, мы, конечно, далеки от того, чтобы считать каждого человека, стремящегося к состоянию удовлетворенности и избавлению от плохого настроения, в той или иной степени «наркоманом»¹. В практическом отношении есть огромная раз-

¹ Справедливости ради следует заметить, что успехи в изучении нейротрансмиттеров были напрямую связаны с изучением биологической основы наркомании. Возникла идея, что мозг потому так чувствителен к действию из-

ница между человеком, физически зависимым от наркотиков, и «чистым» человеком. Кроме того, необходимо помнить, что в механизме формирования физической зависимости, а также в избавлении от нее, едва ли не ключевую роль играют социокультурные факторы [13]. Однако, если делать широкие философские обобщения, то для учений о самости, о свободе личности и автономном субъекте не имеет большого значения, привязаны ли мы к эндогенным или к экзогенным опиатам, — всё это заставляет сузить границы применимости этих учений.

5. Определение страдания

Рассуждение о механизме формирования привязанностей имеет непосредственное отношение к пониманию вопроса, с которого начался этот текст — вопроса о страдании и о том, почему стратегия радикального гедонизма, нормативная для общества потребления, не помогает людям в преодолении отчужденности и фрустрации.

Настало время сказать, что мы понимаем под страданием. Страдание — это не какое-либо специальное состояние, когда человек испытывает физическую или психологическую боль. В этом случае страдание лишь наиболее ярко переживается и в силу этого осознаётся, в то время как понятие страдания охватывает значительно более широкий круг феноменов. Страдание — это любая охваченность, погруженность в аффективную деятельность. Это слово следует понимать в том смысле, в каком понятие страдательного залога используется в лингвистике. Страдание — это всякая пассивность, всякое претерпевание, всякая ситуация, в которой человек оказывается не субъектом, а объектом действия. Именно таковы биохимические процессы в нашем организме — они бессознательны, мы не можем самостоятельно их отслеживать, в то время как они влияют на наше поведение. Таковы инстинкты, поскольку и филогенетически,

вестных химических соединений, что они «могут имитировать какие-то пока не открытые эндогенные медиаторы». [2, с. 235]. Понимание этого принципа существенно облегчает обнаружение нейротрансмиттеров, ведь если наркотические препараты подобны эндогенным веществам по действию, то они должны быть аналогичны и по химической структуре, чтобы связываться с соответствующими рецепторами.

и онтогенетически они формируются раньше интеллекта, и в повседневности инстинктивные реакции возникают раньше, чем мы становимся способны осознать их и задействовать рефлексию. Таковы страсти и аффекты — во многих языках их тождество со страданием прослеживается со всей очевидностью. Это справедливо для греческого πάθος; для латинского — passio; для немецкого — Leidenschaft. В русском языке семантическая связь «страсти» и «страдания» также очевидна.

Все перечисленные процессы протекают «в автономном режиме», без участия сознания. Человек без должной тренировки не способен отслеживать их возникновение. Он может фиксировать лишь, что уже охвачен им, и с той или иной степенью успеха контролировать свои дальнейшие реакции, но никак не сами процессы. Однако даже там, где мы представляем себя «в водительском кресле»: в расудочной деятельности, в образовании понятий, в обучении, в самосознании, в ситуациях свободного выбора — одним словом, везде, где задействуется разум, мы тоже не вполне владеем ситуацией. Мыслительный процесс также до известной степени автономен по отношению к нашей личности: мы не можем отследить момент возникновения тех или иных мыслей и не понимаем, из какой темной области они к нам приходят, прежде чем стать ясными для сознания. В повседневности значительную часть времени мышление представляет собой произвольный поток сознания. Это блуждание ума было блестяще запечатлено Дж. Джойсом в «Улиссе», в сцене, где Леопольд Блум наблюдает таинство причащения в дублинской церкви:

Только посмотреть на них. Так и видно, как счастливы. Конфетка. Счастливы до предела. Да, это называется хлеб ангелов. За этим большая идея, чувствуешь что-то в том роде, что Царство Божие внутри нас. Первые причастники. Чудо для крошек леденец за грошик. После этого они все чувствуют себя как одна семья, то же самое в театре, все заодно. Конечно, чувствуют, я уверен. Не так одиноко: мы все собратья. Потом в приподнятых чувствах. Дает разрядку [6, с. 79].

Но даже когда мы пытаемся применять способность мышления целенаправленно (например, решая математическую задачу или при написании научной статьи), в этот процесс неизбежно вмешиваются отвлекающие факторы, обусловленные как восприимчивостью

к внешним раздражителям, так и всё теми же биохимическими и пр. процессами в нашем организме.

На основании того, что почти любой аспект нашего опыта сопровождается охваченностью и вовлеченностью в аффективную деятельность, мы полагаем верным утверждение имманентности страдания существованию. Одним из аспектов страдательности, ее же и фундирующим, является стремление к приятным переживаниям и бегство от неприятных.

6. Современная культура: интенсификация практик удовольствия и страдание

И всё же, даже если страдание неотъемлемо присуще нашему существованию, это не означает, что с таким положением дел ничего нельзя сделать, поскольку ни в биологических, ни уж тем более в социальных процессах нет строгой однолинейной детерминации. Однако если человек не развивает осознанность и не предпринимает усилий для снижения аффективности, а культура и общество не вырабатывают необходимых практик, то при прочих равных условиях в горизонте человеческого опыта не останется ничего, кроме страдания.

Как отмечалось выше, одной из отличительных черт текущей социокультурной ситуации является вменение «принципа удовольствия» в своего рода моральный долг. Современная культура за счет медиатехнологий, индустрии развлечений, шоу-бизнеса, моды, рекламы предписывает индивиду получать удовольствие, развлекаться, радоваться жизни. Более того, она же предоставляет широкие технологические возможности для претворения «гедонистического императива» в жизнь. Получение как можно больших и по возможности немедленных удовольствий является одновременно и одним из ключевых субъект-мотивирующих факторов, социально одобряемой моделью поведения.

Однако конфигурация социокультурного пространства современности не способствует избавлению от страданий, хотя бы характерные для сегодняшнего дня стратегии радикального гедонизма и преследовали такую цель. Напротив, множество легкодоступных радостей выступают дополнительными факторами аффектив-

ности. Стремясь тактически к получению множества локальных, приятных переживаний, которые в изобилии предоставляет современная культура, они проигрывают стратегически, т. к. лишают себя возможности полноценной счастливой жизни, которой достойны. С. А. Рассадина, чью работу мы цитировали в этой статье, разбирает, как в своих крайних формах такое «невротическое преумножение практик удовольствия» приводит к формированию полной неспособности к удовольствию [10, с. 97—120] — т. е. речь идет уже не о том, что индивиды не способны достичь счастья, но о том, что они не могут испытать даже простого удовольствия.

Трудно оценить, достаточно ли места в современной культуре остается представлению о том, что наслаждение может заключаться не в потреблении, а в умиротворении и освобождении от аффектов и привязанностей. Современные гедонистические практики не способствуют осознанности, в результате чего в сознании индивидов аффективность всё больше преобладает над рефлексией, а масштабы страдания, и без того имманентно присущего человеческому существованию, только растут.

Нетрудно заметить, чрезмерная интенсификация практик удовольствия в обществе потребления в своей основе аналогична интенции, которой руководствуются наркозависимые люди. «Гедонистический императив» есть ровно то самое стремление получать как можно большее удовольствие за счет как можно меньших издержек. Примечательно, что о таких приметах современности, как киберзависимость, интернет-зависимость или зависимость от видеоигр, говорят в терминах из области наркологии. Например, современный специалист в области медиафилософии В. В. Савчук, рассуждая о медиазависимости, напрямую утверждает, что она «формируется по “наркотической” логике прогресса получения удовольствия, неумолимой логике роста интенсивности аффекта и, как следствие, поступательной утраты воли» [11, с. 112]. Нормативная для сегодняшнего дня стратегия радикального гедонизма вызывается не мотивом достижения счастья, но мотивом временного избавления от боли и неудовлетворенности. Парадокс, однако, в том, что те социокультурные практики, в рамках которых мы осуществляем эту деятельность, оборачиваются своего рода фабрикой по производству особого типа страдания.

Заключение

Тем не менее повторим, что такое положение дел не фатально, поскольку ни один социокультурный процесс не линеен. Ряд тенденций в культуре (становление экономики пользования взамен экономики владения [12], популяризация дауншифтинга [4], диверсификация досуговых практик [1], культ здорового образа жизни [5] и пр.) позволяет заподозрить, что у современников всё отчетливее оформляется запрос на гармонизацию своего жизненного проекта и замену ценностей потребления, более продуктивными ценностями самореализации. Очевидно, что современная культура стоит перед проблемой выработки механизмов достижения счастья не за счет роста потребления, а за счет более комплексных стратегий, позволяющих достигать умиротворения и освобождения от аффективности. Возможно, культура — сама по себе один из дополнительных источников нашего страдания, однако никакого иного удовлетворительного пути решения проблемы дефицита счастья, кроме изменения социокультурных практик, вряд ли можно себе представить. И даже если будет достигнут прогресс в области фармакологического решения проблемы страдания, в любом случае встанет вопрос внедрения этих достижений в социокультурный порядок. Тем самым, отчетливо оформляется то, какими должны быть дальнейшие исследования в этой области — поиск новых социокультурных практик, позволяющих минимизировать человеческое страдание.

Библиографический список

1. Абрамов Р. Н., Зудина А. А. Социальные инноваторы: досуговые практики и культурное потребление // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 6 (100). С. 134—142.
2. Блум Ф., Лейзерсон А., Хофстедтер Л. Мозг, разум и поведение. М.: Мир, 1988. 248 с.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика, 2006. 272 с.
4. Бутонова Н. В. Дауншифтинг. Новое правило-отказ от всяческих правил // Новые традиции / под ред. Е. Э. Суровой и С. А. Рассединой. СПб.: Петрополис; Центр изучения культуры, 2009. С. 169—176.

5. Воробьева И. Н., Бабаева Н. Б. Здоровый образ жизни как важная составляющая формирования активной стилизированной позиции // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 5 (55): в 2-х ч. Ч. I. С. 46—50.
6. Джойс Дж. Улисс. СПб.: Симпозиум, 2000. 832 с.
7. Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: АСТ, Corpus, 2013. 512 с.
8. Дхамма-чакка-паваттана сутта. Сутта запуска колеса Дхаммы. URL: <https://dhamma.ru/canon/sn/sn56-11.htm>. (accessed 05.10.2018).
9. Картер Р. Как работает мозг. М.: АСТ, Corpus, 2014. 224 с.
10. Рассадина С. А. Герменевтика удовольствия: Наслаждение вкусом. СПб.: Петрополис, 2010. 254 с.
11. Савчук В. В. Медиафилософия. Приступ реальности. СПб.: Издательство РХГА, 2014. 350 с.
12. Хусяинов Т. М., Урусова Е. А. От общества потребления к экономике совместного пользования // Философия хозяйства. 2017. № 6 (114). С. 132—146.
13. Alexander B. K. The Globalization of Addiction: A Study in Poverty of the Spirit. Oxford: Oxford University Press, 2008. 496 p.
14. Haig D. The Social Gene // Behavioral Ecology: an Evolutionary Approach. London: Blackwell Publishers, 1997. P. 284—304.
15. Lumsden C. J., Wilson E. O. Genes, Mind, and Culture: The Coevolutionary Process. Cambridge: Harvard University Press, 1981. 428 p.
16. Williams G. C. Adaptation and Natural Selection: A Critique of Some Current Evolutionary Thought. Princeton: Princeton University Press, 1966. 307 p.

References

1. Abramov R. N., Zudina A. A. *Social'nye innovatory: dosugovye praktiki i kul'turnoe potreblenie* [The Social Innovators: Leisure Practices and Cultural Consumption]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i social'nye peremeny*, 2010, no. 6 (100), pp. 134—142. (In Russ.)
2. Blum F., Lejzerson A., Hofstedter L. *Mozg, razum i povedenie* [Brain, Mind, and Behavior]. Moscow, Mir Publ., 1988, 248 p. (In Russ.)
3. Bodriyyar Zh. *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury* [The Consumer Society: Myths and Structures]. Moscow, Respublika Publ., 2006, 272 p. (In Russ.)
4. Butonova N. V. Downshifting. *Novoe pravilo-otkaz ot vsyacheskih pravil* [Downshifting. The New Rule-Refusal to Any Rules]. *Novye tradicii* [New

Traditions]. Saint Petersburg, «Petropolis» Print. House; Cultural Studies Center, 2009, pp. 169—176. (In Russ.)

5. Vorob'eva I. N., Babaeva N. B. *Zdorovyj obraz zhizni kak vazhnaya sostavlyayushchaya formirovaniya aktivnoj stilezhiznennoj pozicii* [Healthy Lifestyle as Important Component of Active Lifestyle Position Formation]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2015, no. 5 (55) in 2 parts, p. I., pp. 46—50. (In Russ.)

6. Dzhojs Dzh. *Ulyss* [Ulysses]. Saint Petersburg, Simpozium Publ., 2000, 832 p. (In Russ.)

7. Dokinz R. *Ehgoistichnyj gen* [The Selfish Gene]. Moscow, AST Publ., Corpus Publ., 2013, 512 p. (In Russ.)

8. Dhammacakkappavattana Sutta. [The Setting in Motion of the Wheel of the Dharma]. Available at: <https://dhamma.ru/canon/sn/sn56-11.htm>. (accessed 05.10.2018)

9. Karter R. *Kak rabotaet mozg* [How the Human Brain Works]. Moscow, AST Publ., Corpus Publ., 2014, 224 p. (In Russ.)

10. Rassadina S. A. *Germenevtika udovol'stviya: Naslazhdenie vkusom* [Hermeneutics of Pleasure: Taste Delight]. Saint Petersburg, «Petropolis» Print. House, 2010, 254 p. (In Russ.)

11. Savchuk V. V. *Mediafilosofiya. Pristup real'nosti* [Mediaphilosophy. The Reality Assault]. Saint Petersburg, RKhGA Publ., 2014, 350 p. (In Russ.)

12. Khusyainov T. M., Urusova E. A. *Ot obshchestva potrebleniya k ehkonomie sovmejnogo pol'zovaniya* [From the Consumer Society to Sharing Economy]. *Filosofiya hozyajstva — Economic Philosophy*, 2017, no. 6 (114), pp. 132—146. (In Russ.)

13. Alexander B. K. *The Globalization of Addiction: A Study in Poverty of the Spirit*. Oxford: Oxford University Press, 2008, 496 p. (In Engl.)

14. Haig D. The Social Gene. *Behavioral Ecology: an Evolutionary Approach*. London: Blackwell Publishers, 1997, pp. 284—304. (In Engl.)

15. Lumsden C. J., Wilson E. O., *Genes, Mind, and Culture: The Coevolutionary Process*. Cambridge: Harvard University Press, 1981, 428 p. (In Engl.)

16. Williams G. C. *Adaptation and Natural Selection: A Critique of Some Current Evolutionary Thought*. Princeton: Princeton University Press, 1966, 307 p. (In Engl.)